

РЕБЕККА УЭЙТ

ОТЦЫ НАШИ

ОТЦЫ
наши

*Посвящается Кейт Фердей,
нашему замечательному другу,
и всем, кто любил ее*

Отцы наши грешили: их уже нет,
а мы несем наказание за беззакония их.

Плач 5: 7

Е СЛИ БЫ КАТРИНА ПЕРЕЖИЛА ТОТ ДЕНЬ, она тоже бы сказала, что он ничем не отличался от всех остальных. Все было нормально. Она могла бы еще добавить, что нормальность — такова ее природа — можно заметить только после того, как она закончилась, что, пока все нормально, этого не ощущаешь.

Был март, и небо было такое же белесое, как обломки древесины, выброшенные на берег приливом. Она посылала мальчиков собирать эту древесину, потом сушила ее и топила печку, но и это не всегда помогало. На Литту весна приходила поздно. Было много таких дней, пронизывающе холодных и бесцветных. Иногда уединенность острова ужасала ее. Даже в самую ясную погоду невозможно было разглядеть большую землю, лежавшую в тридцати милях к востоку. На западе простирался Атлантический океан, и между ними и Канадой не было ничего, кроме маяка. Когда они только переехали на остров, Катрина чувствовала себя такой же оглушенной, как окружающая природа бесконечными зимами. Но Джон сказал, что она привыкнет, и она, кажется, привыкла.

В этот конкретный мартовский вторник море целый день было бурным. Оно бросалось на скалы, взрывалось пеной и отступало, чтобы набрать силы перед следующим валом. Ветер был уже очень крепким, он пригибал траву на махире* и толкал овец на скалах. К исходу дня он обещал еще усилиться, но островитяне не считали шторм за шторм, пока им на головы не начнут рушиться дома.

Мальчики уже вернулись из школы и играли около дома. Бет сидела в манеже и возилась с плюшевым мишкой и тряпичной книжкой, так что Катрина могла более или менее спокойно заниматься домашними делами. Она вытирала плитусы, потому что на следующий день должен был зайти брат Джона с женой. Несмотря на то, что Катрина всегда содержала дом в чистоте, она обратила внимание на плитусы, только когда осмотрела каждую комнату критическим взглядом, как бы со стороны. Джон бывал недоволен, если к приходу Малькольма и Хизер что-то оказывалось неидеально, хотя, казалось бы, с родственниками все должно быть проще.

Джон в тот день работал дома. Он почти не выходил из своего кабинета, только молча выпил чашку чая в одиннадцать часов, а в час спустился взять сэндвич, который она ему приготовила. Катрина поняла, как только проснулась, что сегодня мужа лучше не беспокоить. Но пока невозможно было сказать, насколько это будет тяжелый день.

---

* Махирь (machair) — специфический северошотландский элемент рельефа, разновидность поросших травой дюн.

Она закончила с плитусами в гостиной, протерла той же влажной тряпкой верх пианино и подоконник и взяла метелочку на длинной ручке, чтобы дотянуться до углов на потолке. Потом отложила ее, чихнула три раза подряд и наклонилась над манежем Бет.

— Все в порядке, золотко? — спросила она, и Бет посмотрела на нее таким печальным, задумчивым взглядом, какой бывает у младенцев, как будто они прибыли из иного мира.

Бет положила мишку и протянула свою маленькую пухлую ручку к маминым сережкам. Катрина отошла, сняла сережки — серебряные висюльки, которые она не очень любила, но их много лет назад подарил ей Джон, — снова наклонилась к Бет и пощекотала ее под мышками. Бет широко, радостно улыбнулась и засмеялась своим удивительно глубоким смехом, от которого Катрина всегда тоже начинала смеяться.

— Тебе весело? — спросила она, и Бет ответила: «Бя-ля», — Катрина еще не определила, что это должно означать. Потом Бет добавила: «Мама» — и улыбнулась так широко, что глаза у нее закрылись, как будто она хотела проверить, насколько вообще можно растянуть мышцы лица. — Правильно, моя дорогая, — сказала Катрина, вытаскивая Бет из манежа. Она безмятежно вздохнула, почувствовав знакомую теплую тяжесть своего ребенка.

НА УЛИЦЕ НИККИ И ТОММИ не решались уходить далеко от дома и укрывались от ветра под его стенами. Где-то через час начнет темнеть. Они знали,

что скоро выйдет мама и попросит присмотреть за Бет, пока она занимается ужином, так что они старались воспользоваться своей свободой по полной. Томми стоял, засунув руки глубоко в карманы, и думал, что он бы, пожалуй, сегодня лучше поиграл дома, но Никки вытащил его на задний двор после полдника, сказав с большой важностью: «Нам надо поменьше шуметь». Это раздражало Томми, хотя он понимал, что брат прав. Никки всегда вел себя так, будто лучше знает, что надо делать, потому что ему было уже десять, и Томми терпеть не мог, когда тот говорил чужими словами, будто уже взрослый.

Но оба они отлично чувствовали флюиды, распространявшиеся по дому. Они знали, когда нужно держаться в стороне.

Томми хотел поиграть в викингов, потому что они проходили их в школе и ему очень нравились викинги — какие они были свирепые и как далеко плавали, — хоть Никки и говорил, что викинги были их врагами. Сам Томми почти не покидал острова, только раз в месяц они ездили с мамой на пароме в Обан за покупками. Кроме этого, он однажды на выходных был на озере Лох-Ломонд, но это не считается, а в Глазго или в Лондоне никогда не был и ни разу в жизни не летал на самолете. Почти все, кого он знал, не бывали ни в каких интересных местах. Только Ангус, единственный, кроме них, мальчик в школе (хотя близняшки Вильсон были ничем не хуже мальчишек), прошлым летом ездил в Португалию с бабушкой и дедушкой из Дамфриса, и теперь он постоянно болтал о том, как там жарко и солнечно. Когда Никки велел ему наконец заткнуться, Ангус просто посмотрел на них обоих

с сожалением и сказал, что, может, и им когда-нибудь удастся куда-нибудь съездить. Томми взбежился оттого, что кто-то смеет так разговаривать с Никки, особенно если этот кто-то на два года младше, и ударил Ангуса кулаком в плечо. Ангус заплакал, хотя Томми знал, что ему на самом деле не больно; миссис Браун заставила Томми извиниться и не пустила на прогулку. Но Томми был рад, что восстановил баланс, хотя и пришлось просить прощения. Ангус продолжал плакать. Томми думал, что Никки скажет ему спасибо после школы, но он только произнес: «Нельзя бить людей», и Томми опять разозлился, потому что Никки, как обычно, делал вид, что он взрослый.

Когда Томми робко предложил поиграть в викингов, Никки отказался. Он объявил, что вдвоем в них нельзя играть, но Томми считал это ерундой, потому что они всегда играли вдвоем, если только поблизости не было Ангуса или близняшек. Вдвоем можно играть почти во все что угодно. Нужно только вообразить себе недостающих персонажей, или каждый может играть за нескольких героев. Иногда они даже пытались задействовать Бет, но от нее толку не было. Она или сидела на земле и жевала что-нибудь, до чего могла дотянуться, или вставала на ножки и нетвердыми шажками пыталась куда-нибудь убраться, так что им приходилось бросать игру и ловить ее.

— Ну и во что же ты хочешь играть? — спросил он Никки, стараясь говорить достаточно обиженным тоном, чтобы тот понял, как его это задевает, но все-таки не слишком обиженным, а не то Никки назовет его малышом.

— В «Звездные войны», — ответил Никки.

Они часто играли в эту игру, хотя Томми подозревал, что Никки она не так уж и нравится. Они делали вид, что любят «Звездные войны», потому что папа их любил. Он показал им все серии — они были у него на кассетах — и сам смотрел вместе с ними, сидя в обнимку на диване. У Томми эти фильмы вызывали скуку и недоумение, они казались ему устаревшими, грубыми и глупыми, хотя он честно старался поверить в происходящее на экране. Но он знал, что все равно будет притворяться: когда они вместе смотрели «Звездные войны», папа всегда бывал в хорошем настроении. Однажды он признался им: «„Звездные войны“ изменили мою жизнь. Благодаря им я осознал, что кроме этого острова есть еще целый мир. И я понял, что ваша мама создана для меня, когда она сказала, что тоже любит „Звездные войны“. Большинство женщин ничего в них не понимают».

Хотя Томми был тогда еще маленьким, у него мелькнула неприятная мысль, что, возможно, их мама тоже притворяется.

— Я буду Люком Скайуокером, — решил Никки, — а ты можешь быть Дартом Вейдером.

Томми изготавился к обычной для них перебранке.

— Я не хочу быть Дартом Вейдером. Я всегда Дарт Вейдер.

— Ну, тебе придется, а иначе ничего не получится.

— Я хочу быть Ханом Соло.

Никки недоуменно покачал головой:

— Хан Соло не может бороться с Люком Скайуокером. Это совершенно бессмысленно.

— Тогда почему бы тебе не быть Дартом Вейдером?
Никки терпеливо посмотрел на него:

— Потому что игра не так устроена, Томми.

Некоторое время назад Томми решил, что ему не нравится, когда его называют Томми. За последние месяцы он вложил много усилий в то, чтобы все называли его Томом: это звучало солиднее. Но, по правде говоря, сам себя он по-прежнему воспринимал как Томми. Он уже смутно понимал, что самовосприятие человека создается другими людьми. Что человек не выбирает свой собственный образ.

— Я хочу быть Люком Скайуокером, — твердо сказал он Никки.

— Это невозможно. — Никки задумался. — Если ты очень-очень хочешь, — великодушно разрешил он, — можешь быть имперским штурмовиком.

— Я не хочу быть штурмовиком.

— Вот как мы сделаем: я немножко побуду Люком Скайуокером, а потом мы поменяемся, и ты будешь Ханом Соло, а я буду штурмовиком. Так будет честно.

Томми задумался. Эта идея выглядела справедливой, как и почти все, что предлагал Никки, но у него было смутное подозрение, что к тому моменту, когда Никки решит, что можно поменяться, уже будет время ужинать и поиграть в Хана Соло ему вряд ли удастся. Однако он понял, что дальше спорить бессмысленно — он никогда не одерживал верх, — и согласился.

Они стали искать палки, которые были у них вместо световых мечей, и наконец нашли их ярдах в десяти от дома — должно быть, зашвырнули туда несколько дней назад.

Томми взял свой световой меч, поднял его и сделал несколько пробных взмахов. Ему нравилось ощущение оружия в руках — он казался себе сильным и решительным. Однажды он сделает что-нибудь смелое и отважное, как викинги или Хан Соло. А сейчас ему пришло в голову, что можно притвориться, что он Хан Соло, а Никки — Дарт Вейдер. Эта мысль его очень обрадовала.

ФИОНА МАККЕНЗИ, КОТОРОЙ ВЧЕРА исполнилось сорок и которая от этого чувствовала себя на удивление несчастной, заметила Томми и Никки, играющих с палками около дома, когда несла мусор на помойку. Интересно, во что они играют? — размышляла она. Наверное, в пиратов. Она помахала им рукой, и мальчики помахали в ответ. Томми сначала ее не заметил, но Никки пихнул его, чтобы он тоже поздоровался. Хорошие дети, заключила Фиона, что есть, то есть. Островитяне до мозга костей. Томми и Никки вернулись к игре, а Фиона увидела Катрину, вышедшую из задней двери с Бет на руках. Ей Фиона не стала махать. Катрина все равно ее не видела: она собиралась передать Бет Никки. Волосы у Катрины не были заплетены и спускались по спине — прекрасные рыжие волосы. Но скоро они начнут сесть, подумала Фиона, перекладывая мешок с мусором в другую руку. Это со всеми происходит, а Катрина не намного младше Фионы. Ну если только Катрина не решит со временем краситься. Но этого никак не может быть, возразила Фиона сама себе, удаляясь к помойке.

Сорок — так себе возраст. Она задумалась, не купить ли ей тот дорогой крем из рекламы — против морщин, укрепляющий и так далее, — и поняла, что не вынесет, если Гэвин станет над этим смеяться. Правда, можно ведь сделать все по-тихому: купить его в Обане на следующей неделе, незаметно пронести к себе в комнату и никому ничего не сказать. Не то чтобы от этих кремов был какой-то прок, но, может быть, она станет чувствовать себя счастливее.

Скрываясь за поворотом, Фиона представляла, что у Бэрдов на ужин. Ей всегда хотелось знать такие подробности. Они с Гэвином съедят остатки куриного жаркого, приготовленного накануне, когда заходили Кэти и Эд. Фионе показалось, что оно слишком водянистое, но, похоже, всем понравилось. Гэвин положил себе вторую порцию и ел так, что на щеке у него образовалось ярко-оранжевое пятно. Фиона пыталась обратить на это его внимание, но тщетно — так он и сидел с пятном до конца ужина.

КОГДА МАМА ВЕРНУЛАСЬ в дом, Никки и Томми усадили Бет, заботливо одетую в курточку и шапку, на одеяло у стены дома.

— *Восхитительно*, — сказал Томми, повторяя за кем-то, кого он слышал по телевизору. — Просто *фантастика*. — Ему нравилось, как это звучит.

— Неважно, — махнул рукой Никки. — Продолжаем играть.

И они продолжали играть еще несколько минут, но теперь, когда за ними со стороны наблюдала их

маленькая сестра и время от времени глупо смеялась, иллюзия исчезла и ее было не вернуть, как они ни старались.

Никки остановился и оперся на световой меч.

— Может, как-то включить ее в игру? — предложил он.

— Как?

— Можем играть, как будто она мастер Йода, — сказал Никки, и им это показалось таким смешным, что они расхохотались. Том поглядывал на Никки, не перестал ли тот смеяться, и старался изо всех сил не отставать от брата. Наконец Никки остановился: — Надо поменьше шуметь.

И Томми рассудительно отозвался:

— Мы же не хотим мешать папе.

Пока они смеялись, Бет поднялась на ножки и побрела вдоль стены, решительно поглаживая кирпичную кладку, как будто бы это была собака или лошадь. Затем она вдруг повернулась к братьям и пошла в их сторону, раскинув руки и широко улыбаясь.

Томми почувствовал, что сейчас она упадет. Она так разогналась, а шаги ее были слишком неуверенными. Они с Никки не успели подхватить ее, прежде чем она растянулась на гравии. Мелкие камешки разлетелись во все стороны. Мальчики замерли на мгновение, потом Никки быстро подбежал к Бет, поднял ее и поставил на ноги, возможно в надежде отвлечь до того, как она поймет, что ей больно, и начнет реветь. Но это не помогло. Бет страдальчески сморщила личико и издала протяжный, хорошо знакомый братьям вой.

— Все в порядке, Лизка-Лиска, — утешал Никки, отряхивая ее. — Не так уж тебе и больно, — он стал